

Пора выучить новый язык новой борьбы.

Во всём этом присутствует великое страдание. Страдание выражается через вопрос «*что мы можем сделать?*» Мы видим и чувствуем несправедливость капитализма вокруг нас: люди, спящие на улицах даже в самых богатых городах^[1], миллионы, живущие на грани истощения вплоть до самой смерти от него же. Мы видим какое влияние оказывает наша социальная система на окружающую нас природу: громадные скопления мусора, глобальное потепление — возможно, нет средств преодоления всего этого. Мы видим влиятельных людей по телевизору и хотим наорать на них. И всё время вокруг один и тот же вопрос: что мы можем сделать, что мы можем сделать, что мы можем сделать?^[2]

Эта книга — дочь другой книги. В книге «*Change the World without taking Power*» (Holloway 2002/2005) утверждается, что потребность в радикальном социальном изменении (революции) более насущна и очевидна, чем когда-либо, но мы не знаем, как этого добиться. Из опыта и размышлений мы знаем, что мы не можем добиться этого, захватив государственную власть. Но как тогда быть? Снова и снова возвращается эхом вопрос: но как быть, как быть, как быть, как быть? Один митинг за другим — и всё о том же: «Да, мы не хотим вмешиваться в самодовольный, лживый, разрушительный мир государственной политики, но как же тогда быть, что же нам делать? Мы провели грандиозный эксперимент в Оахаке, где в течение пяти месяцев люди удерживали контроль над городом, но затем нас жестоко подавили, и что теперь? Куда нам идти?» Сейчас, когда кризис капитализма очевиден, вопрос становится все более насущным: как быть? Что нам делать?

Дочь совершенно не зависит от матери: нет необходимости читать *Change the World*, чтобы понять доводы этой книги. Но проблема остаётся всё той же: как мы можем думать о радикальном изменении мира, когда это кажется таким невозможным? Что мы можем сделать?

Эта книга предлагает простой ответ: *сломать капитализм*. Разбейте его любым возможным способом, попытайтесь расширить трещины и умножить их число — и поспособствуйте их слиянию.

Цель этой книги — не изобрести ответ. Скорее, эта книга, как и все книги, является частью исторического момента, частью потока борьбы. Ответ, который она предлагает, отражает движение, которое уже в процессе. В этом мире, в котором радикальные изменения кажутся такими немыслимыми, уже идёт миллион экспериментов по радикальным изменениям, по ведению дел иными способами. Это не новость: экспериментальные прогнозы в отношении другого мира, вероятно, столь же стары, как и сам капитализм. Но в последние годы наблюдается всплеск, растущее понимание того, что мы не можем ждать великой революции, что мы должны начать создавать что-то другое здесь и сейчас. Эти эксперименты, возможно, являются зародышами нового мира, интерстициальными подвижками, из которых может вырасти новое общество.

Таким образом, можно сформулировать, что интерстициальный процесс — единственный возможный способ зарождения революции. Часто утверждают, что переход от капитализма к посткапиталистическому обществу, в отличие от перехода от феодализма к капитализму, не может быть интерстициальным движением. Хиллель Тиктин недавно подтвердил эту точку зрения: «Переход от капитализма к социализму качественно отличается от движения феодализма к капитализму в том смысле, что социализм не может возникнуть в зазорах капитализма. Новое общество может возникнуть только тогда, когда мировая капиталистическая система будет свергнута^[3]». Основная мысль здесь заключается в том, что, напротив, революционная замена одной системы другой невозможна и нежелательна. Единственный способ думать о том, как радикально изменить мир — множество интерстициальных движений, исходящих из конкретики.

Именно в зазорах можно обнаружить «обычных людей», которые и являются героями этой книги. Возражений против заурядности наших людей много и их число быстро растёт. Шофёр, едущий в автопарк, девушка, читающая свою книгу на скамейке, друзья, собравшиеся в хор, инженер, который бросает свою работу ради заботы о своих детях — как их можно считать главными героями антикапиталистической революции? Всё же, если мы думаем о революционных изменениях как о неизбежно интерстициальных движениях, нужно просто ответить на вопрос: кто провёл социальную трансформацию феодализма в капитализм? Были ли это Дантон и Робеспьер, или это были тысячи незаметных и, возможно, скучных бюргеров, которые просто иначе подошли к производству и жили по другим критериям, имея другие ценности? Иначе говоря, социальные изменения не создаются активистами — однако важная активность может (или не может) быть вовлечена в процесс. Социальные изменения — скорее результат едва заметного преобразования повседневной деятельности миллионов людей^[4]. Поэтому мы должны смотреть за пределы активизма на миллионы и миллионы отказов и инакодеятельностей, на миллионы и миллионы трещин, составляющих материальную базу возможных радикальных изменений.

Но мы должны четко понимать, что ответ, предложенный книгой — *сломать капитализм* — может быть ответом-без-ответа. Возможно, это похоже на голограмму, которая кажется настолько реальной, что вам хочется протянуть руку и дотронуться до неё — и вы протягиваете руку, но там ничего нет. Можем ли мы и в самом деле сломать капитализм? Что это вообще значит? Является ли капитализм в действительности твердой поверхностью, которую мы можем расколоть, или это просто грязная тина, которая, когда мы пытаемся расколоть её, просто перетекает обратно на место — столь же отвратительная и целостная, как и всегда?

Или, опять же, возможно, существует нечто, чего не видят наши усталые глаза? Может ли быть так, что наши попытки взлома создают нечто прекрасное, которое появляется из грязного омута? Что-то, что нашим глазам трудно увидеть, а ушам — трудно услышать? Нечто, что говорит голосом, который мы не понимаем?


Если и мать, и дочь заикаются и бессвязно бормочут, возможно, это потому, что они изо всех сил пытаются видеть, слышать, говорить новым языком зарождающегося созвездия борьбы. Со временем меняются модели конфликта, внешние признаки основных структурных недостатков,

проявления кризиса. Проблема в том, что каждое существенное изменение в модели приносит проблемы или понимание, потому что наши умы привыкли к старому шаблону. Несмотря на то, что мы пользуемся старыми концепциями, существует опасность того, что, какими бы ни были наши намерения, какими бы боевыми ни были бы наши свершения в коммунизме (или чем бы то ни было), наше мышление становится препятствием для новых форм борьбы. Наша задача — выучить новый язык борьбы и, обучаясь, участвовать в его формировании. Возможно, то, что уже было сказано на этих начальных страницах, является нерешительным шагом в изучении и формировании такого языка: вот моё высшее стремление, вот моя ставка на эту книгу.

Изучение нового языка — процесс сопровождающийся постоянными сомнениями. Это вопросы, возникающие по ходу движения, попытка создать открытые вопросы-концепции, а не установить парадигму для понимания нынешней стадии капитализма^[5]. Данная книга составлена таким образом, что каждый заданный вопрос представляет собой вызов, провокацию. Эти тезисы можно рассматривать как череду дерзновений, в которых я бросаю вам вызов, дорогой читатель — проследовать за мной к следующему доводу в диспуте. Иногда я чувствую, что эта книга — поездка на поезде, в которой я делаю все возможное, чтобы выталкивать читателей на каждой остановке: если все позиции в споре приняты, то я, наверное, не буду сильно толкаться.

Во всем этом есть беспокойство, сомнение, опасность: когда мы пытаемся увидеть то, что едва уловимо, или услышать то, что едва различимо, тут одно из двух: либо мы оттачиваем зрение и слух, либо просто грезим, и то, что мы едва можем увидеть и услышать, на самом деле не существует — оно просто плод нашего воображения. Возможно и так, но нам нужно действовать, что-то делать, чтобы сломить ужас нашего стремительного рывка к разрушению. Задавая вопросы, мы движемся — и в движении, а не стоя на месте, мы развиваем наши вопросы. Лучше пойти в неверном направлении и проложить путь, а не стоять и изучать несуществующую карту. Итак, давайте возьмём наши страхи и сомнения в пригоршню и посмотрим на источник надежды — миллион попыток порвать с логикой разрушения.

1. См. у Davis (2006: 36): «Лос-Анджелес является первой в мире столицей по численности бездомных — порядка 100 000 бездомных людей, включая увеличивающееся количество семей, живут в палатках на улицах делового центра города или живут в парках и на обочинах автострад». [↗](#)
2. Это не совсем классическая, но беспристрастно ленинская формулировка «Что делать?», которая предполагает отдаление уже нашей собственной ответственности, а скорее: что мы можем сделать? [↗](#)
3. Ticktin (2008). Чтобы быть справедливым по отношению к Тиктину — он продолжает так: «но до этого времени могут существовать псевдосоциалистические и прото-социалистические формы. Они не социалисты, но они конфликтуют с капитализмом — в то же самое время, когда они его поддерживают». [↗](#)

4. В том же духе у Papadopoulos, Stephenson and Tsianos (2008: xii): «мы ищем социальных перемен, в незначительных, казалось бы, проявлениях жизни». См. также Trapese Collective (2007: 2): «Массовые протесты против нынешней экономической системы разразились во всем мире от Сиэтла до Канкуна, за декорациями из флагов, слезоточивого газа и беспорядков, когда улицы снова замолкают, обыкновенные люди делают необыкновенные вещи, учатся в деятельности, воображают и воплощают кирпичики других возможных миров. Мы можем противостоять миру, в котором живем, и в то же время создавать мир, который хотим увидеть». 
5. В этом смысле данный подход может быть противопоставлен подходу, предпринятому Hardt and Negri (2000, 2004 and 2009). 